

«Крепостная», 2021 год

- Не спешите, Петр Иванович.
- Катька? А ты что здесь делаешь?
- Решила вернуть себе свою собственность.
- Что?!
- Мой муж Вас обманул. Я не подписывала никаких документов. Дарственная не действительна. Моя подпись поддельна. Так что у Вас нет никаких прав на Червинку.
- ...
- Твари вы безродные, что ты, что муженек твой. Ни чести, ни совести.
- Вам ли говорить о чести, Петр Иванович, после всей той грязи, которую Вы напечатали в газетах, чтобы заполучить имение?
- Я лишь пытался вернуть то, что принадлежит мне. Свой дом. Свой, а не твой.
- Да, Червинка не мой дом и никогда им не была. Дом вещи там, где оставил ее хозяин, а я была вещью, Вашей с Анной Львовной вещью, и жить там ныне у меня нет никакого желания, однако и Вам принадлежать Червинка не будет.
- Что? Упиваешься возможностью отомстить хозяину? Да ты никто. Ты девка крепостная.
- Мне нет никакого дела до Вас, Петр Иванович. Ни мстить, ни объяснять я не хочу. Червинка не будет Вашей, но может принадлежать вашему сыну, но у меня есть два условия. Первое, Вы позволите Ларисе Викторовне быть рядом с сыном...
- Нет, эта женщина уже сделала свой выбор, и он был не в пользу меня и сына. Ноги её не будет рядом с нами.
- Значит, не будет и Червинки. Лев ещё совсем дитя, ему нужна материнская ласка.
- Ничего-ничего, я сам воспитаю его достойным нашей фамилии.
- Лучше просто любите его и позвольте Ларисе Викторовне делать то же самое. Ваша требовательность уже стубила одного вашего сына, так не повторяйте ошибок.
- Ну и какое второе условие?

- В поместье никогда, никогда больше не будет крепостных. Работать будут только вольные и получать справедливую оплату за свой труд. Всем крепостным Вы дадите вольную. И больше никогда не будете покупать людей.
- Добродетельница! Всех наровишь осчастливить...
- Если Вы согласны, можем завтра же все оформить у нотариуса.
- В 10 утра, в конторе. И попробуй только меня обмануть.

«Два капитана», Вениамин Каверин, 1938-1944гг.

– Саня, нам нужно поговорить об очень многих вещах, – сказал он серьезно. – И мы, кажется, достаточно культурные люди, чтобы обсудить и решить все это мирным путем, Не так ли?

Очевидно, он еще не забыл, как я однажды решил «все это» не очень мирным путем. Но с каждым словом голос его становился тверже.

– Я не знаю, какие непосредственные причины побудили Катю внезапно уехать из дому, но я вправе спросить: не связаны ли эти причины с твоим появлением?

– А ты бы спросил об этом у Кати, – отвечал я спокойно.

Он замолчал. У него запылали уши, а глаза вдруг стали бешеные, лоб разгладился. Я смотрел на него с интересом.

– Однако мне известно, – начал он снова немного сдавленным голосом, – что она уехала с тобою.

– Совершенно верно. Я даже помогал ей укладывать вещи.

– Так, – сказал он хрипло. Один глаз у него теперь был почти закрыт, а другим он косил – довольно страшная картина. Таким я видел его впервые.

– Так, – снова повторил он.

– Да, так.

– Да.

– Мы помолчали.

– Послушай, – начал он снова. – Мы с тобой не договорили тогда на юбилее Кораблева. Должен тебе сказать, что в общих чертах я знаю эту историю с экспедицией «Святой Марии». Я тоже интересовался ею так же, как и ты, но, пожалуй, с несколько иной точки зрения.

Я ничего не ответил. Мне была известна эта точка зрения.

– Между прочим, тебе, кажется, хотелось узнать, какую роль играл в этой экспедиции Николай Антоныч. По крайней мере, так я мог судить по нашему разговору.

Он мог судить об этом не только по нашему разговору. Но я не возражал ему. Я еще не понимал, куда он клонит.

– Думаю, что могу оказать тебе в этом деле серьезную услугу.

– В самом деле?

– Да.

Он вдруг бросился ко мне, и я инстинктивно вскочил и стал за кресло.

– Послушай, послушай, – пробормотал он, – я знаю о нем такие вещи! Я знаю такую штуку! У меня есть доказательства, от которых ему не поздоровится, если только умеючи взяться за дело. Ты думаешь – он кто?

Три раза он повторил эту фразу, придвинувшись ко мне почти вплотную, так что мне пришлось взять его за плечи и слегка отодвинуть. Но он этого даже не заметил.

– Такие штуки, о которых он сам забыл, – продолжал Ромашка. – В бумагах.

Конечно, он говорил о бумагах, взятых им у Вышимирского.

– Я знаю, отчего вы поссорились. Ты говорил, что он обокрал экспедицию, и он тебя выгнал. Но это – правда. Ты оказался прав.

Второй раз я слышал это признание, но теперь оно доставило мне мало удовольствия. Я только сказал с притворным изумлением:

– Да что ты?

– Это он! – с каким-то подлым упоением повторил Ромашка. – Я помогу тебе. Я тебе все отдам, все доказательства. Он у нас полетит вверх ногами.

Нужно было промолчать, но я не удержался и спросил:

– За сколько?

Он опомнился.

– Ты можешь принять это как угодно, – сказал он. – Но я тебя прошу только об одном: чтобы ты уехал.

– Один?

– Да.

– Без Кати?

– Да.

– Интересно. То есть, иными словами, ты просишь, чтобы я от нее отступился?

– Я люблю ее, – сказал он почти надменно.

– Ага, ты ее любишь! Это интересно. И чтобы мы не переписывались, не правда ли?

Он молчал.

– Подожди-ка минутку, я сейчас вернусь, – сказал я и вышел.

Саня позвал Николая Антоныча.

– Этот Ромашов, – продолжал я, – явился ко мне часа полтора тому назад и предложил следующее: он предложил мне воспользоваться доказательствами, из которых следует: во-первых, что вы обокрали экспедицию капитана Татаринова, а во-вторых, еще разные штуки, касающиеся вашего прошлого, о которых вы не упоминаете в анкетах.

Вот тут он уронил шляпу.

– У меня создалось впечатление, – продолжал я, – что этот товар он продает уже не в первый раз. Не знаю, может быть, я ошибаюсь.

– Николай Антоныч! – вдруг закричал Ромашка. – Это все ложь. Не верьте ему. Он врет.

Я подождал, пока он перестанет кричать.

– Конечно, теперь это, в сущности, все равно, – продолжал я, – теперь это дело только ваших отношений. Но вы сознательно...

Я давно чувствовал, что на щеке прыгает какая-то жилка, и это мне не нравилось, потому что я дал себе слово разговаривать с ними совершенно спокойно.

– Но вы сознательно шли на то, что этот человек может стать Катиным мужем. Вы уговаривали ее – из подлости, конечно, – потому что вы его испугались. А теперь он же приходит ко мне и кричит: «Он у нас полетит вверх ногами».

Как будто очнувшись, Николай Антоныч сделал шаг вперед и уставился на Ромашку. Он смотрел на него долго, так долго, что даже и мне трудно было выдержать эту напряженную тишину.

– Николай Антоныч, – снова жалостно пробормотал Ромашка.

Николай Антоныч все смотрел. Но вот он заговорил, и я поразился: у него был надорванный, старческий голос.

– Зачем вы пригласили меня сюда? – спросил он. – Я болен, мне трудно говорить. Вы хотели уверить меня, что он негодяй. Это для меня не новость. Вы хотели снова уничтожить меня, но вы не в силах сделать больше того, что уже сделали – и непоправимо. – Он глубоко вздохнул. Действительно, я видел, что говорить ему было трудно.

– На ее суд, – продолжал он так же тихо, но уже с другим, ожесточенным выражением, – отдаю я тот поступок, который она совершила, уйдя и не сказав мне ни слова, поверив подлой клевете, которая преследует меня всю жизнь.

Я молчал. Ромашка дрожащей рукой налил стакан воды и поднес ему.

– Николай Антоныч, – пробормотал он, – вам нельзя волноваться.

Но Николай Антоныч с силой отвел его руку, и вода пролилась на ковер.

– Не принимаю, – сказал он и вдруг сорвал с себя очки и стал мять их в пальцах. – Не принимаю ни упреков, ни сожаления. Ее дело. Ее личная судьба. А я одного ей желал: счастья. Но память о брате я никому не отдам, – сказал он хрипло, и у него стало угрюмое, одутловатое лицо с толстыми губами. – Я, может быть, рад был бы поплатиться и этим страданием – уж пускай до смерти, потому что мне жизнь давно не нужна. Но не было этого, и я отвергаю эти страшные, позорные обвинения. И хоть не одного, а тысячу ложных свидетелей приведите, – все равно никто не поверит, что я убил этого человека с его мыслями великими, с его великой душой.

Я хотел напомнить Николаю Антонычу, что он не всегда был такого высокого мнения о своем брате, но он не дал мне заговорить.

– Только одного свидетеля я признаю, – продолжал он, – его самого, Ивана. Он один может обвинить меня, и если бы я был виноват, он один бы имел на это право.

Николай Антоныч заплакал. Он порезал пальцы очками и стал долго вынимать носовой платок. Ромашка подскочил и помог ему, но Николай Антоныч снова отстранил его руки.

– Здесь бы и мертвый, кажется, заговорил, – сказал он и, болезненно, часто дыша потянулся за шляпой.

– Николай Антоныч, – сказал я очень спокойно, – не думайте, что я намерен отдать всю жизнь, чтобы убедить человечество в том, что вы виноваты. Для меня это давно ясно, а теперь и не только для меня. Я пригласил вас не для этого разговора. Просто я считал своим долгом раскрыть перед вами истинное

лицо этого прохвоста. Мне не нужно то, что он сообщил о вас, – больше того, я давно знаю все это. Хотите ли вы сказать ему что-нибудь?

Николай Антоныч молчал.

– Ну, тогда пошел вон! – сказал я Ромашке.

Он бросился было к Николаю Антонычу и стал ему что-то шептать. Но, как бесчувственный, стоял, глядя прямо перед собой, Николай Антоныч.

«Доктор Кто»

13 Доктор

— Я знаю, о чем ты попросишь. Но семейная история и путешествия во времени... Сложно.

— Всего на часок. Посмотреть на нее издалека. Зачем нужен друг с машиной времени, если нельзя слетать назад и увидеть бабушку молодой?

— Знаешь время и место?

— Знаю, что она жила в Лахоре в 50-е, но помимо этого...

— Я, конечно, могла бы, но... Не стоит. Если только... Нет, слишком непредсказуемо.

— Что могла бы?

— Это риск.

— Будто все наши путешествия были без риска!

— Я же извинилась за армию «Смертоносных черепах». Как следует. Предположим, я могла бы заикнуть их в телепатические схемы ТАРДИС.

— Так и эта штука телепатическая?

— Не называй ее так, Грэм. И да, она обладает чем-то вроде телепатической навигации. Если кратко об очень сложном процессе за пределами твоего понимания.

— Спасибо большое. Я торчу тут, чтобы меня оскорбляли.

— На любом объекте накапливаются фрагменты пространственно-временных частиц, на протяжении жизни. ТАРДИС может считать их, как временные метки. Что думаете?

— Да, мне нравится. Пакистан. Никогда там не был. Минус один пункт в списке желаний. Если только там нет черепах-убийц.

- Да, я только за.
- Один час, никакого...
- Вмешательства.
- Давай же, ты знаешь, что можешь. Встряхнемся.

11 Доктор

- Полковник Мантон, прикажите своим людям отступить.
- Нет! Полковник Мантон, я хочу, чтобы вы велели своим людям бежать.
- Что?
- Это слово такое «бежать». Я хочу, чтобы вы стали известны этим словом. Я хочу, чтобы вас называли «полковник-беглец». Я хочу, чтобы под вашей дверью смеялись дети, потому что нашли дом «полковника-беглеца». И когда к вам придут и спросят: «Хороша ли идея, добраться до меня... через дорогих мне людей...», я хочу, чтобы вы назвали им свое имя. Надо же, я разъярен... что-то новенькое. Я действительно не знаю, что сейчас будет...
- Гнев хорошего человека — не проблема. У хорошего человека слишком много правил.
- Хорошим людям правила не нужны. Сегодня не тот день, чтобы проверять их наличие.

Сколько детей было на Галлифрее

- Вы когда-нибудь подсчитывали, сколько детей было на Галлифрее в тот день?
- Понятия не имею.
- Сколько тебе сейчас?
- Не знаю. Потерял счет. Тысяча двести с хвостиком, если не вру. Не помню даже вру ли я насчет возраста — вот насколько я стар.
- На четыреста лет старше меня. И за всё это время не поинтересовался их числом? Ни разу не подсчитал?
- Скажи, а в чем был бы смысл?
- [10 Доктор] — Два миллиарда сорок семь миллионов...
- Ты посчитал!

- Ты забыл? Четыреста лет и ты уже забыл?!
- Я двигаюсь вперед...
- Куда? Где ты сейчас, если способен забыть такое?!
- Спойлеры...
- Нет, нет. На это раз я хочу знать, куда направляюсь.
- Нет, не хочешь!